

Введение и постановка проблемы

С середины 1880-х гг. благодаря успеху европейских изданий *Войны и мира* и *Анны Карениной*, а в еще большей степени благодаря мировому распространению толстовства¹, имя Льва Николаевича Толстого² регулярно стало появляться на страницах мировой прессы. К 1900-м гг. посещение Ясной Поляны и последующая публикация своих впечатлений от встречи с Толстым превратились чуть ли не в особую разновидность журналистского репортажного очерка³. Павук-Вовченко в „Раннем утре” писал:

Быть в Туле и не быть в Ясной Поляне — это все равно, что:

— Быть в Москве и не быть в Сандуновских банях.

Кроме того, у нас уже установились традиции: [...]

— Ежели ты журналист, то хоть раз в жизни непременно должен побеседовать с Л. Н. Толстым. [...]

---

¹ Организации толстовцев существовали в Великобритании, Голландии, Финляндии, Венгрии, США, Японии, Южной Африке и Чили — см.: Ch. Alston, *Tolstoy and his Disciples. The History of a Radical International Movement*, Bloomsbury, London–New York–Oxford–New Delhi–Sydney 2020, p. 1–2, 50–51. О восприятии Толстого мировой прессой см. также: W. Nickell, *The Great Writer of All Lands: Russia Reads the International Reception of Tolstoj's Death*, „Revue des études slaves” 2010, t. 81, fasc. 1, p. 33–34.

² Следует изначально указать на проблему, связанную с профессиональным определением позднего Толстого. Этот момент точно подметил автор шуточного текста в „Сатириконе”: „Толстой — это Толстой”. Н. Шебуев, *Граф Лев Николаевич Толстой...*, „Сатирикон” 1908, № 21 (28 авг.), с. 2. Поэтому в работе мы не будем без особой необходимости использовать определение „писатель”.

³ См.: „Теперь [в конце 1890-х гг. — И. П.], где бы ни появлялся Толстой, с кем бы ни встречался, видевшие и слышавшие его стремились записывать свои впечатления или позднее считали своим долгом составить воспоминания [...]”. Л. Д. Опульская, *Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 год*, ИМЛИ РАН, Москва 1998, с. 304.

Надо заметить, что Л. Н. Толстой все время находится под самым строгим надзором, какой только себе можно представить. Это:

— Газетный надзор.

Не только сказать что-нибудь, но даже подумать вслух Л. Н. Толстой не может. Сейчас-же его слово будет схвачено и передано по телеграфу. И хорошо еще, если верно!⁴

Совершенно закономерно поэтому, что толстовское исчезновение осенью 1910 г. мгновенно оказалось в центре внимания мировой прессы⁵. Уходу Толстого, как принято называть в русской традиции финальные десять дней его биографии с внезапного отъезда из Ясной Поляны 10 ноября (28 октября)⁶ до смерти на железнодорожной станции Астапово 20 (7) ноября, суждено было стать одним из резонансных событий 1910–11 гг.⁷ Разумеется, восприятие этого поступка мировой прессой было неоднозначным, как было неоднозначно восприятие ею самого Толстого.

1. Рецепт позднего Льва Толстого: состояние изучения темы

Исследования, затрагивающие прижизненную рецепцию позднего Толстого, сосредоточены главным образом на событиях 1910 г.⁸ Основной задачей исследователи полагают выявление причин и мотивов, побудивших Толстого навсегда покинуть Ясную Поляну.

⁴ Павук-Вовченко [Э. И. Павчинский], *В Ясной Поляне*, „Раннее утро” 1910, № 248 (28 окт.), с. 2. Здесь и далее источники, изданные по старой орфографии, цитируются в соответствии с современными правилами, но с сохранением некоторых дореформенных орфографических и пунктуационных особенностей.

⁵ См.: Л. Р. Ланский, *Уход и смерть Толстого в откликах иностранной печати*, в: *Толстой и зарубежный мир*, ред. тома С. А. Макашин, кн. 2, Наука, Москва 1965, с. 361–460.

⁶ Здесь и далее в скобках указываются даты по старому стилю. Во всех европейских и американских изданиях дата соответствует русскому новому стилю.

⁷ Ср.: „Все детали этого фантастического последнего странствия Толстого современники переживали как событие мировой важности, как, может быть, самое значительное, чему им довелось быть свидетелями”. А. Зверев, В. Туниманов, *Лев Толстой*, изд. 2-е, Молодая гвардия, Москва 2007, с. 719.

⁸ Работы, касающиеся рецепции 80-летнего юбилея Л. Толстого, немногочисленны. Некоторые наблюдения по этому вопросу см. в нашей статье: И. Пиотровска, *Специфика польской рецепции Л. Н. Толстого в свете оппозиции „Россия – Европа” (на материале юбилейных откликов 1908 г.)*, „Slověne” 2019, vol. 8, № 1, с. 352–367. Раффаэлла Вассена (Raffaella Vassena) рассматривает реакцию на толстовский юбилей в контексте развития русской журналистики и связанных с этим „новых практик чтения” — см.: R. Vassena, *Reading the News on Tolstoi in 1908*, in: *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*, Vol. 2, ed. by D. Rebecchini, R. Vassena, Ledizioni, Milano 2020, p. 523–557. До этого в социологическом ключе реакцию русской прессы на уход и смерть Толстого рассматривал Уильям Никелл (William Nickell) — см.: W. Nickell, *The Death of Tolstoy: Russia on the Eve, Astapovo Station, 1910*, Cornell University Press, Ithaca–London 2010.

Сам Лев Николаевич в прощальном письме Софье Андреевне от 10 ноября (28 октября) 1910 г. причинами называл семейные и мировоззренческие:

Отъезд мой огорчит тебя. Сожалею об этом, но пойми и поверь, что я не мог поступить иначе. Положение мое в доме становится, стало невыносимым. Кроме всего другого, я не могу более жить в тех условиях роскоши, в к[отор]ых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши после[дние] дни своей жизни. Пожалуйста пойми это и не ездь за мной, если и узнаешь, где я. Такой твой приезд только ухудшит твоё и моё положение, но не изменит моего решения. Благодарю тебя за твою честную 48-летнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всем, чем я был виноват перед тобой, также как и я от всей души прощаю тебя во всем том, чем ты могла быть виновата передо мной. Советую тебе помириться с тем новым положением, в к[отор]ое ставит тебя мой отъезд, и не иметь против меня недоброго чувства. Если захочешь что сообщить мне, передай Саше [Александре Львовне Толстой. — И. П.], она будет знать, где я, и перешлет мне, что нужно; сказать же о том, где я, она не может, п[отому] ч[то] я взял с нее обещание не говорить этого никому⁹.

Подчеркнем, что приведенное письмо является единственным высказыванием Толстого о причинах своего поступка.

Вскоре после смерти Л. Толстого в России начинают активно публиковаться мемуары лиц, пусть даже малейшим образом причастных (или причисляющих себя) к этим событиям. Начало изучения толстовского ухода в российской науке приходится на пореволюционные и раннесоветские годы. В этот период доминирует установка на введение в оборот документальных источников, позволяющих воссоздать хронику событий. Следует отметить, что публикации этого периода, как правило, сопровождаются минимальным научным комментарием или вовсе его лишены¹⁰.

Далее обратимся к избранным биографиям Льва Толстого¹¹, останавливаясь на представленных в них интерпретациях событий осени 1910 г.

⁹ Л. Н. Толстой, [Письмо С. А. Толстой от 28 октября 1910 г.], в: Id., *Полное собрание сочинений*, т. 84, ГИХЛ, Москва–Ленинград 1949, с. 404.

¹⁰ Особую значимость представляет следующая публикация: *Смерть Толстого по новым материалам*, вступ. ст. В. И. Невского, Изд. ПБ СССР им. В. И. Ленина, Москва 1929. В этом издании собраны относящиеся к Л. Толстому телеграммы за 13 (31 октября) – 23 (10) ноября 1910 г., прошедшие через телеграфное отделение станции Астапово. Публикация содержит указатель имен и биографические справки.

¹¹ Все рассматриваемые нами биографии являются научно-популярными. В настоящее время мы располагаем исключительно материалами к научной биографии Л. Толстого — см.: Н. Н. Гусев, *Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого*, Academia, Москва–Ленинград 1936; Id., *Лев Николаевич Толстой*, т. 1: *Материалы к биографии с 1828 по 1855 год*, Изд-во АН СССР, Москва 1954; т. 2: *Материалы к биографии с 1855 по 1869 год*, Изд-во АН СССР, Москва 1957; т. 3: *Материалы к биографии с 1870 по 1881 год*, Изд-во АН СССР, Москва 1963; т. 4: *Материалы к биографии с 1881 по 1885 год*, Наука, Москва 1970; Id., *Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890*, ГИХЛ, Москва 1958; Id., *Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891–1910*, ГИХЛ, Москва 1960;

В первую очередь речь идет о вышедших в серии *Жизнь замечательных людей* версиях толстовской биографии Виктора Шкловского (1963), Алексея Зверева – Владимира Туниманова (2006; глава об уходе написана В. Тунимановым) и Павла Басинского (2017).

Шкловский во главу угла ставит представление о Толстом как о гениальном художнике, чья гениальность определяется созвучностью „кричащих противоречий” творчества и личности основополагающим противоречиям эпохи¹². Не отрицая значения семейных обстоятельств, автор не считает их решающими и вслед за Владимиром Лениным¹³ интерпретирует уход как победу „исторической необходимости” над „личными чувствами”¹⁴, „решение художника отрезать себя от старого, преодолев жалость к близким”¹⁵.

В свою очередь Туниманов вслед за Борисом Эйхенбаумом¹⁶ при объяснении ухода во главу угла ставит представление о Толстом как о художнике *par excellence*, творце художественных произведений и творце собственной жизни. Толстовский уход исследователь называет „абсолютно закономерным и спасительным шагом”¹⁷. Закономерен он потому, что к этому Толстого подталкивали обстоятельства жизни в последнее десятилетие¹⁸, а спасителен потому, что психическое заболевание Софьи Андреевны все более и более обострялось¹⁹. Подтверждение этому Туниманов видит в позднем толстовском творчестве из-за частотности в нем „мотивов бегства-ухода”²⁰.

Л. Д. Опульская, *Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год*, Наука, Москва 1979; Еад., *Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892....*

¹² См.: В. Шкловский, *Лев Толстой*, Молодая гвардия, Москва 1963, с. 5–6. В 1967 г. был издан польский перевод: W. Szklowski, *Lew Tolstoj*, przeł. R. Granas, PIW, Warszawa 1967. Книга выдержала несколько переизданий.

¹³ См.: В. И. Ленин, *Лев Толстой как зеркало русской революции*, в: Id., *Собрание сочинений*, т. 11, ч. 1, ГИЗ, Москва 1925, с. 113–118.

¹⁴ В. Шкловский, *Лев Толстой...*, с. 6.

¹⁵ Ibid., с. 845.

¹⁶ Туниманов отталкивается от следующего положения из статьи Эйхенбаума *Лев Толстой* (1919; опубл. 1922): „Толстой всегда был художником и никогда не переставал им быть — менее всего тогда, когда отрекался от своего художества и писал религиозно-нравственные статьи. [...] ‘Двойственность’ Толстого, о которой принято говорить как о душевной его особенности, есть для нас не пассивное проявление его натуры, но акт сознания, выработанный в поисках нового творческого начала. Осложнение творчества элементами этого сознания и заново возникшая отсюда проблема отношения между искусством и жизнью есть особенность того художественного поколения, к которому принадлежал Толстой, — она уже тревожила Гоголя и Тургенева, мучила Некрасова и с новой силой, но по-разному, решалась Толстым и Достоевским”. Б. М. Эйхенбаум, *Лев Толстой*, в: Id., *Лев Толстой. Исследования. Статьи*, Факультет филологии и искусств СПбГУ, Санкт-Петербург 2009, с. 31.

¹⁷ А. Зверев, В. Туниманов, *Лев Толстой...*, с. 690.

¹⁸ Ibid., с. 657.

¹⁹ Ibid., с. 686–687.

²⁰ В первую очередь это *Хаджи-Мурат*, кроме того, *За что?*, *Отец Сергей*, *Корней Васильев*, а также незаконченные *Посмертные записки старца Федора Кузмица* — см.: Ibid., с. 654–656.

Басинский при объяснении толстовского поступка на первый план выдвигает семейные причины, подчеркивая, что „не только ‘верования’ Толстого, но и семейная ситуация подталкивала его к уходу”²¹. Главным стимулом автор считает конфликт вокруг завещания, в равной степени возлагая ответственность за произошедшее на Софью Андреевну и на Владимира Черткова²².

В ЖЗЛ Басинский повторяет положения своей более ранней работы *Лев Толстой: Бегство из рая* (2010)²³, полностью сосредоточенной на уходе. Этому же событию посвящена книга Виталия Ремизова *Уход Толстого. Как это было* (2017)²⁴. В предисловии Ремизов не случайно останавливается на неприемлемых для него версиях, которые он считает следствием „обывательских представлений и безудержной пошлости”²⁵, в том числе исследовательской. К числу неприемлемых автор относит психическую (старческая деменция, мания величия) и личностную (честолюбие) версии²⁶. Ремизов особенностями избранной формы пытается противополжить свою позицию позиции исследователей типа Басинского: авторской реконструкции (или в некотором смысле — журналистскому расследованию) он противопоставляет хронику, составленную из официальных документов, писем, дневниковых и мемуарных свидетельств; четко обозначенной исследовательской версии — возможность читателю самостоятельно сформировать собственную версию на основании представленного материала²⁷. Однако вступительная заметка и заключительная статья противоречат декларируемым авторским намерениям: единственной подлинной причиной ухода Ремизов называет „неистребимое желание ищущей

²¹ П. В. Басинский, *Лев Толстой: Свободный человек*, Молодая гвардия, Москва 2017, с. 212.

²² См.: Ibid., с. 247.

²³ П. В. Басинский, *Лев Толстой: Бегство из рая*, АСТ–Астрель, Москва 2012. В 2015 г. был издан польский перевод: P. Basiński, *Lew Tolstoj: ucieczka z raju*, przeł. J. Czech, Wydawnictwo Marginesy, Warszawa 2015.

²⁴ В. Б. Ремизов, *Уход Толстого. Как это было*, Проспект, Москва 2017.

²⁵ Ibid., с. 6.

²⁶ См.: „Оскорбительные и уничижительные суждения по поводу ухода Толстого из Ясной Поляны, как и его личности (‘выживший из ума старик’, женоненавистник, ‘жестокосердный развратник, перешагнувший через супружескую верность, опозоривший себя и семью, оставивший жену, детей и 25 внуков без средств к существованию’, ‘человек, уставший от жизни и общения с людьми’, ‘пиарщик, возжелавший еще большей славы’...), встречались и ранее, но в наше время их стало так много, что количество стало переходить в новое качество”. Ibid., с. 5–6.

²⁷ По этой же причине, вероятно, текст дается без комментария. См.: „Предлагаемые страницы развернутой хроники, воссозданной по подлинным материалам (дневникам, письмам, мемуарам, документам) свидетелей событий столетней давности, позволяют читателю заглянуть в мир общения ее героев, поразмыслить наедине с ними о случившемся и почувствовать себя свободным от имеющихся трактовок и интерпретаций”. Ibid., с. 5.

Души слиться с Богом”²⁸. Иными словами, отстаиваемая Ремизовым религиозная версия по сути является еще одним вариантом версии идейной / мировоззренческой.

Развитие принадлежащих Эйхенбауму идей о взаимодействии жизни и литературы прослеживается в новейшей биографии *Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения* (2020) Андрея Зорина²⁹. Детское воспоминание, описанное в автобиографии *Моя жизнь*, трактуется автором как лейтмотив жизни Толстого:

Толстой видит себя младенцем, но ему ‘памятны’ сложность и противоречивость его переживания, сутью которого оказывается чувство связанности и несвободы. Он специально обращает внимание на то, что стоящие рядом люди любят и жалеют его, их жестокость — это жестокость заботы. Маленький Лев пытается вырваться из тисков этого ласкового деспотизма, но он слишком слаб, чтобы освободить себя от власти тех, кто, желая ему добра, не позволяет ему шелохнуться. Эта мучительная борьба будет пронизывать всю его жизнь вплоть до самых последних мгновений³⁰.

В соответствии с этой концепцией А. Зорин рассматривает уход как одно из воплощений постоянного стремления Толстого „освободиться от связывающих его уз”³¹.

Таким образом, с опорой на синхронные происходившим событиям документальные источники³² и мемуарные тексты³³ (они не дифференцируются

²⁸ В. Б. Ремизов, *В поисках бессмертного Храма*, в: Id., *Уход Толстого...*, с. 671.

²⁹ Английский оригинал книги и русский перевод вышли в том же году — см.: А. Zorin, *Leo Tolstoy*, Reaktion Books, London 2020; А. Л. Зорин, *Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения*, пер. автора, НЛЮ, Москва 2020.

³⁰ А. Л. Зорин, *Жизнь Льва Толстого...*, с. 11.

³¹ Ibid., с. 216.

³² Это в первую очередь дневники Душана Маковицкого (Dušan Makovičský, 1866–1921) — см.: Д. П. Маковицкий, *У Толстого. 1904–1910*. „Яснополяские записки”, кн. 1–4, Наука, Москва 1979; дневники и письма Софьи Толстой — см.: С. А. Толстая, *Дневники*, т. 2, Худ. лит., Москва 1978; Ead., *Письма к Л. Н. Толстому. 1862–1910*, Academia, Москва–Ленинград 1936; дневники Александры Толстой — см.: А. Л. Толстая, *Дневник 1910 г.*, предисл., публ. и примеч. С. Д. Новиковой, в: *Уход Льва Толстого*, отв. ред. Л. В. Гладкова, сост. В. С. Бастрыкина и др., ГМТ – ИПО „Лев Толстой”, Москва–Тула 2011, с. 203–326; Ead., *Дневники. 1903–1920*, Кучково поле, Москва 2015; дневники Варвары Феокритовой — см.: В. М. Феокритова-Полевая, *Записки. Последний год жизни Л. Н. Толстого*, предисл., подгот. текста, примеч. А. Ю. Терешинной и А. А. Чурсиной, в: *Уход Льва Толстого...*, с. 327–339; дневник Валентина Булгакова — см.: В. Ф. Булгаков, *Л. Н. Толстой в последний год его жизни*, Правда, Москва 1989; дневник Александра Гольденвейзера — см.: А. Б. Гольденвейзер, *Дневник*, Тортуга, Москва 1995.

³³ Это в первую очередь автобиография С. Толстой — см.: С. А. Толстая, *Моя жизнь*, т. 1–2, Кучково поле, Москва 2011; воспоминания детей Толстого: Александры Львовны — см.: А. Л. Толстая, *Об уходе и смерти Л. Н. Толстого (Из воспоминаний)*, в: *Толстой. Памятники творчества и жизни*, вып. 4, Кооп. Т-во изучения и распространения творений Л. Н. Толстого, Москва 1923, с. 131–184; Ead., *Отец. Жизнь Льва Толстого*, Книга, Москва 1989; Ead., *Дочь*, Книга и бизнес, Москва 1992; Ead., *Уход и смерть Л. Н. Толстого. Почему ушел Л. Н. Толстой из Ясной Поляны?*, предисл., публ. и примеч. Н. А. Калининной, в: *Толстовский ежегодник–2001*, ГМТ, Москва 2001, с. 91–100; Сергея Львовича — см.: С. Л. Толстой, *Очерки былого*, изд. 4-е (испр. и доп.), Приокское книжн. изд-во, Тула 1975; см. также:

по времени создания) исследователи называют две группы причин толстовского поступка — идейные / мировоззренческие (религиозные взгляды Толстого) и семейные (ситуация, сложившаяся в ближайшем окружении Толстого). Психические причины (состояние душевного здоровья Толстого), о которых нередко писала пресса, исследователями в расчет не принимаются.

С перспектив нашего исследования особый интерес представляют работы, затрагивающие рецепционную проблематику.

Первой попыткой комплексного рассмотрения толстовского поступка, включая реакцию на него в избранных русских и иностранных изданиях, стала монография Бориса Мейлаха *Уход и смерть Льва Толстого* (1960)³⁴. Из русской прессы использовались московские „Русское слово”, „Русские ведомости”, „Раннее утро”, „Утро России”, петербургские „Новое время”,

Б. С. Мейлах, *Последние дни Л. Толстого (записи обсуждения обстоятельств ухода и смерти Л. Толстого свидетелями и современниками 26 ноября 1910 года)*, „Русская литература” 1961, № 1, с. 190–201; Татьяны Львовны — см.: *Дочь Толстого об его уходе и смерти. Воспоминания Т. Л. Сухотиной-Толстой*, пер. Е. В. Толстой, предисл. Б. С. Мейлаха, в: *Лев Толстой*, кн. 2, Изд-во АН СССР, Москва 1961, с. 237–286; Т. Л. Сухотина-Толстая, *Воспоминания*, Худ. лит., Москва 1976; Ильи Львовича — см.: И. Л. Толстой, *Мои воспоминания*, Худ. лит., Москва 1969; Льва Львовича — см.: Л. Л. Толстой, *Правда о моем отце*, пер. А. В. Андреева, Книжный угол, Ленинград 1924; Id., *Опыт моей жизни. Мемуары*, подгот. текста, публ. и коммент. В. Н. Абросимовой, „Окно” 2011, № 8 (11), <http://okno.webs.com/No8/heritage.htm> (дата обращения: 01.12.2021); „Окно” 2012, № 9 (12), <http://okno.webs.com/No9/heritage.htm> (дата обращения: 01.12.2021); „Окно” 2012, № 10 (13), <http://okno.webs.com/No10/tolstoy.htm> (дата обращения: 01.12.2021); „Окно” 2013, № 11 (14), <http://okno.webs.com/No11/tolstoy.html> (дата обращения: 01.12.2021); „Окно” 2013, № 12 (15), <http://okno.webs.com/No12/tolstoy.html> (дата обращения: 01.12.2021); см. также: Id., *Опыт моей жизни*, в: Id., *Опыт моей жизни. Переписка Л. Н. и Л. Л. Толстых*, Кучково поле, Москва 2014, с. 5–198; воспоминания, записанные со слов сестры Толстого Марии Николаевны, — см.: Е. Поселянин, *Л. Н. Толстой в преддверии смерти. (Оптина и Шамордин)*, „Смоленские епархиальные ведомости” 1911, № 24 (16–31 дек.), отд. неофиц., с. 856–875; воспоминания Елизаветы Оболенской — см.: Е. В. Оболенская, *Моя мать и Лев Николаевич*, в: *Л. Н. Толстой*, ГЛМ, Москва 1938, с. 279–330; воспоминания Татьяны Кузминской — см.: Т. А. Кузминская, *Мой последний приезд в Ясную Поляну*, вступ. заметка, публ. и коммент. С. Розановой, „Вопросы литературы” 1977, № 9, с. 220–229; см. также: Еад., *Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*, вступ. ст. С. А. Розановой, подгот. текста и примеч. Т. Н. Волковой, Правда, Москва 1986; воспоминания и мемуарные очерки Д. Маковицкого — см.: Д. П. Маковицкий, *Уход Льва Николаевича*, в: *Л. Н. Толстой*, ГЛМ, Москва 1938, с. 446–462; Владимира Черткова — см.: В. Г. Чертков, *О последних днях Льва Николаевича Толстого*, Типография Т-ва И. Д. Сытина, Москва 1911; Id., *Уход Толстого*, Кооперативное Издательство – Голос Толстого, Москва 1922; Алексея Сергеенко — см.: А. П. Сергеенко, *Семья. Астапово*, публ. Т. Виноградовой, „Нева” 1980, № 10, с. 78–134; Id., *Рассказы о Л. Н. Толстом. Из воспоминаний*, Советский писатель, Москва 1978; В. Булгакова — см.: В. Ф. Булгаков, *Уход и смерть Л. Н. Толстого*, в: Id., *Лев Толстой, его друзья и близкие. Воспоминания и рассказы*, Приокское книжн. изд-во, Тула 1970, с. 80–123; Id., *Как прожита жизнь. Воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого*, сост. Л. В. Гладкова, Дж. А. Вудсворт, А. А. Ключанский, Кучково поле, Москва 2012; А. Гольденвейзера — см.: А. Б. Гольденвейзер, *Вблизи Толстого (записи за пятнадцать лет)*, т. 2, Кооперативное издательство, Москва–Ленинград 1923; Id., *Вблизи Толстого. Воспоминания*, Захаров, Москва 2002.

³⁴ Б. С. Мейлах, *Уход и смерть Льва Толстого*, Худ. лит., Москва–Ленинград 1960. Собственно толстовскому уходу отведены четыре из пяти частей книги.

„Биржевые ведомости”, „Речь”, „Правительственный вестник”, „Земщина”, „Санкт-Петербургские ведомости”, „Петербургская газета”, „Петербургский листок”, „Всеобщая газета”, а кроме того томская „Сибирская жизнь” и екатеринбургский „Уральский край”³⁵. Из зарубежной прессы привлекались издания Франции („Le Matin”, „L'Écho de Paris”, „Le Temps”, „Le Figaro”, „L'Univers”, „Les Annales politiques et littéraires”, „La Guerre Sociale”, „Paris-Journal”, „Mercure de France”, „L'Éclair”, „Le Petit Comtois”), Англии („The Manchester Guardian”, „The Standard”, „The Daily News”, „The Morning Post”, „The Daily Telegraph”), Австро-Венгрии („Neue Freie Presse”, „Arbeiter-Zeitung”, „Österreichische Rundschau”, „Die Zeit”, „Wiener Journal”), Индии („The Bengalee”, „The Times of India”, „The Modern Review”, „The Indian Daily News”, „The Statesman and Friend of India”), Германии („Berliner Zeitung”, „Berliner Tageblatt”), США („The Forum”, „The American Review of Reviews”), Бельгии („Le Soir”, „Le Gazette”) и Италии („Il Giornale d'Italia”, „Nuova Antologia”, „Avanti!”)³⁶.

Обращение к материалу прессы, причем не только русской, но и зарубежной, является несомненным преимуществом работы Б. Мейлаха. Однако представленные в изданиях версии исследователь рассматривает только под углом их соответствия заявленным как объективные причинам ухода³⁷. Опираясь на тот же, что и толстовские биографии, круг документальных источников (включая на тот момент еще не опубликованные)³⁸, автор соглашался с ленинской точкой зрения, согласно которой уход был спровоцирован внутрисемейным конфликтом и духовной драмой писателя, являвшимися отражением объективных социальных конфликтов 1870-х — 1900-х гг.³⁹ Несмотря на свойственные интерпретациям Мейлаха тенденциозность, не стоит игнорировать авторские наблюдения, касающиеся самой природы рецепции⁴⁰.

К иной теме, связанной с рецепционной проблематикой, обращается Ирина Порочкина в работе *Л. Н. Толстой и славянские народы* (1983)⁴¹. Специфика славянской рецепции позднего Толстого охарактеризована

³⁵ См.: Ibid., с. 23–39.

³⁶ См.: Ibid., с. 40–57.

³⁷ Польская пресса в работе не используется, однако Мейлах приводит мнение польского писателя и мыслителя Александра Свентоховского (Aleksander Świątchowski, 1849–1938), воспринявшего уход как венец Толстому-Учителю (высказывание Свентоховского цитируется по „Русскому слову”). Такой взгляд на толстовский уход Мейлах оценивает как ошибочный — см.: Ibid., с. 55–56.

³⁸ См.: Ibid., с. 208–209.

³⁹ См.: В. И. Ленин, *Л. Н. Толстой*, в: Id., *Собрание сочинений*, т. 11, ч. 2, ГИЗ, Москва 1925, с. 117.

⁴⁰ Напр., сходство отраженных в мировой прессе версий исследователь совершенно справедливо соотнес с общностью источников информации — см.: Б. С. Мейлах, *Уход и смерть Льва Толстого...*, с. 56.

⁴¹ И. М. Порочкина, *Л. Н. Толстой и славянские народы. Литературно-эстетические и социально-философские взаимосвязи второй половины XIX – начала XX века*, Изд-во Ленинградского ун-та, Ленинград 1983.

здесь в самых общих чертах⁴². В одноименной главе⁴³ исследовательница описывает три „посмертные легенды” (болгарскую, сербскую, словацкую) о конечной цели последнего толстовского путешествия. Порочкина прослеживает процесс возникновения каждой из „легенд”, выявляя их источники и варианты. Симптоматично, что все три „легенды” оказываются связанными с именем Душана Маковицкого: словаку Маковицкому, „главному посреднику между Толстым и славянами”⁴⁴, в них предстоит выбрать место последнего приюта для яснополянского старца. Согласно сербской „легенде”, Маковицкий намеревался поселить Толстого в семье золовки своей сестры, жившей в Нови-Саде⁴⁵, а согласно словацкой — в семье брата, жившего в Ружомбероке⁴⁶. Болгарская же „легенда” имеет несколько вариантов: по одному — Толстой собирался отправиться на поклонение в монастырь св. Иоанна Рильского⁴⁷, по другому — поселиться в общине своих последователей под Бургасом⁴⁸, по третьему — провести в Болгарии остаток своей жизни в обществе Маковицкого⁴⁹.

При всей интересности выбранная исследовательницей тема слишком локальна, а биографический метод — недостаточно продуктивен: славянские „легенды” рассматриваются исключительно под углом достоверности, однако окончательное решение так и не выносится.

Говоря о прижизненной рецепции позднего Толстого, обратим внимание также на работы православного священника Георгия Ореханова. Среди них главной является монография *Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников*, в которой рассматривается в том числе восприятие Русской церковью (Святейшим Синодом и православным духовенством) толстовского ухода⁵⁰. Автор опирается

⁴² Ср.: „В этих легендах сказались представления о духовном облике русского писателя, о его симпатиях к угнетенным славянам, знакомство с его публицисткой последнего десятилетия. Возможно, что с помощью славянской печати, архивов будут вскрыты какие-либо неизвестные детали в биографии Толстого и его замыслы, которые ускользнули от внимания исследователей, возможно также, что версии об уходе Толстого останутся ‘апокрифической’ литературой, но и сами эти ‘апокрифы’ свидетельствуют о мировой славе Толстого, о тех глубоких духовных связях, которые характеризуют отношения русской и славянских культур”. Ibid., с. 152.

⁴³ Эта глава представляет собой переработанную версию статьи: И. М. Порочкина, *Уход Л. Н. Толстого (славянские версии)*, в: *Славянская филология: Межвуз. сб.*, вып. 4, Изд-во Ленинградского ун-та, Ленинград 1979, с. 177–186.

⁴⁴ И. М. Порочкина, *Л. Н. Толстой и славянские народы...*, с. 149.

⁴⁵ Эта „легенда” имела своим источником „свидетельство ‘одного новосадского адвоката’” и была зафиксирована в национальной прессе 1920–30-х гг. („Народни ослободзени”, „Политика”, „Време”) — см.: Ibid., с. 150–151.

⁴⁶ Эта „легенда” была представлена в романе Петера Звана (Peter Zván; наст. имя Ervín Holéčzy, 1897–1977) *Ajhlá, clovek!* (Се человек!, 1941) — см.: Ibid., с. 151.

⁴⁷ Ibid., с. 146.

⁴⁸ Ibid., с. 149.

⁴⁹ Ibid., с. 146–147.

⁵⁰ Г. Ореханов, *Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников*, Изд-во ПСТГУ, Москва 2010, с. 559–584. См. также: Id., *Лев Толстой. „Пророк без чести”: хроника катастрофы*, Эксмо, Москва 2016, с. 548–575.

на широкий круг документальных источников, включая неопубликованные, особое внимание уделяя „источникам, исходящим из церковных кругов”⁵¹, и „документам, связанным с темой ‘Церковь и Л. Н. Толстой в последние дни жизни писателя’”⁵².

Г. Ореханов исходит из пресуппозиции, что поступок Толстого был продиктован желанием покаяться и вернуться в лоно Церкви, чего не произошло в первую очередь из-за В. Черткова⁵³. Аргументами в пользу этой версии являются „твердое желание [Толстого. — И. П.] беседовать с оптинскими старцами”⁵⁴, а также опубликованные в 1956 г. в Бразилии мемуары игумена Иннокентия (Павлова), на момент ухода — послушника в канцелярии Оптиной пустыни, содержащие утверждение, что „Толстой, находясь уже в Астапове, послал телеграмму в Оптину пустынь с просьбой приехать к нему старца прп. Иосифа”⁵⁵. В сущности, Г. Ореханов с несколько иных позиций продвигает религиозную версию ухода, отраженную в рассмотренной выше книге В. Ремизова.

Единственным изданием, базирующимся исключительно на материале прессы⁵⁶, является антология *Уход и смерть Льва Толстого*.

⁵¹ Речь идет об „официальных распоряжениях Св. Синода, официальной переписке по поводу пребывания в Астапове, инструкциях в Оптину пустынь из Св. Синода, летописи скита Оптиной пустыни, документах канцелярии Оптиной пустыни”. Ibid., с. 562.

⁵² Ibid. Под этими документами подразумеваются воспоминания чиновника особых поручений при МВД, вице-директора Департамента полиции Николая Харламова, пометки Софьи Андреевны на полях сборника о последних днях жизни Толстого *Дни нашей скорби*, „телеграммы, письма и донесения разных лиц по поводу пребывания Л. Н. Толстого в Оптиной пустыни, Шамордине и Астапове”. Ibid., с. 563.

⁵³ См., напр.: „[...] стремление Черткова любыми способами воспрепятствовать покаению писателя, воссоединению с Церковью и встрече не только со священнослужителями, но даже с С. А. Толстой объясняется, помимо религиозных взглядов самого Черткова, и его страхом, что в последние дни жизни Толстого его завещание, под воздействием представителей Церкви, может быть изменено в пользу жены или детей”. Ibid., с. 579.

⁵⁴ Ibid., с. 567. Подчеркнем, что этот разговор не состоялся. Об этом мы подробнее пишем во второй главе (примеч. 452, с. 106).

⁵⁵ Ibid., с. 569. Сам Г. Ореханов ставит достоверность этого свидетельства под сомнение.

⁵⁶ См. имеющиеся статьи по материалам русской прессы: М. Н. Самосудова, *Сибирская печать о „толстовских днях” 1910 г.*, в: *Ученые записки Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького*, вып. 45, Изд-во ОГПИ им. А. М. Горького, Омск 1970, с. 176–187; Н. В. Жилиякова, „Толстовские дни” в России и Томске в октябре–декабре 1910 года (по материалам томской периодической печати), в: *Лев Толстой и время*, ред. Э. М. Жилиякова, И. Ф. Гнусова, Изд-во Томского ун-та, Томск 2010, с. 258–268; Е. В. Белюсова, *Русские газеты 1910 г. о Толстом*, в: *Уход Льва Толстого...*, с. 645–654; А. С. Александров, „Уход” и смерть Л. Н. Толстого в газетных полемиках, в: *Лев Толстой: сквозь рубежи и межи*, гл. ред. Т. Накамура, Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo 2011, с. 66–73; О. Maiorova, *Le départ et la mort de Tolstoï dans la presse en langue russe du Turkestan*, in: *Un autre Tolstoï*, publié sous la direction de C. Depretto, Institut d’études slaves, Paris 2012, p. 161–177; А. С. Александров, *Здоровье Л. Н. Толстого как информационный повод*, „Известия Смоленского государственного университета” 2014, № 3 (27), с. 25–35; а также по материалам иностранной прессы: Л. Р. Ланский, *Уход и смерть Толстого...*, с. 361–460; P. U. Møller, *A New King Lear: Danish Responses to the Demise of Tolstoj*, „Revue des études slaves” 2010, t. 81, fasc. 1, p. 85–98; З. М. Богачева, *Отклики газет Германии и Австро-Венгрии*